

В день, когда первый месяц подошел к концу, Бай Шаоцин, держа в руках изумрудный меч, с высоко поднятой головой шагнул в ворота поместья. Там по-прежнему щебетали птицы и благоухали цветы, подобно персиковому источнику вне пределов людского мира.

На сей раз Шан Лэнхун с самого утра ожидал его в гостиной. Кроме того, на столе стоял чайник со свежесваренным Лунцзином.

— Похоже, заместитель главы Шан предугадал, что я приду с мечом?

Улыбающийся Шан Лэнхун был похож на деревенского богатея, который вот-вот собирается взять себе пятаку наложницу.

— Ты три дня бродил у меня под дверью, держа в руках изумрудный меч, — засмеялся Шан Лэнхун. — Если бы я не знал, что к чему, то счел бы даже неприличным. Молодой господин Бянь Фу, поздравляю с успешным принятием в ученики.

Он протянул руку.

Бай Шаоцин холодно улыбнулся. Склонив голову, он посмотрел на теплый изумрудный меч в своих руках, как будто не мог с ним расстаться.

— Разве я не должен сам передать его лидеру?

— Я возьму его, чтобы проверить на подлинность. Ты уже человек культа Справедливости.

Грубые руки Шан Лэнхуна сжали изумрудный меч. Бай Шаоцин стиснул зубы и по одному разжал белые пальцы.

Шан Лэнхун взял меч и внимательно осмотрел его.

— Это действительно меч Билу. С этого момента семья Фэн из Танья уже не будет такой устрашающей.

Он повернул голову и щелкнул пальцами. Из-за занавески показалась фигура обычного мужчины. Без какого-либо выражения на лице, он поклонился, ожидая распоряжений.

— Младший сын семьи Сыма только что стал полноправным мастером. Тебе нужно будет отнести меч в отделение алтаря в Цзяннане, чтобы левый глава перехватил его на южной дороге в Цзяннань, и убил этим мечом, — Шан Лэнхун, с кажущейся небрежностью передал изумрудный меч подчиненному. — Тело отошлите семье Сыма.

— Подождите! — Бай Шаоцин слегка вздрогнул и нахмурился. — Заместитель главы Шан, к чему это?

— У четырех великих семей Цзянху, среди которых семья Фэн и семья Сыма, в последнее время появилось много выдающихся отпрысков, — сказал Шан Лэнхун. — Конечно же, мы должны над этим поработать.

— Судя по всему, культ Справедливости собирается подставить главу союза Улинь? — усевшись, Шаоцин беззаботно отхлебнул глоточек Лунцзина. Как и ожидалось, он оказался весьма ароматным.

— Я слышал, Фэн Лун и Бай Шаоцин названные братья, — на лице Шан Лэнхуна появилась необъяснимая усмешка. — Неужели третий молодой господин Бай жалеет его?

Бай Шаоцин промолчал, и только слегка приподнял уголки губ. Отвернувшись, он сделал вид, что любит каллиграфией и картинами на стене. Понаблюдав, как за занавесью мелькнула тень человека с мечом, он почувствовал себя странно, но внешне все равно улыбался.

— Меч передан. Завтра Шаоцин еще раз нанесет визит учителю.

Не дожидаясь ответа от Шан Лэнхуна, он повернулся кругом и вышел из гостиной.

Выйдя из поместья, он сразу же поспешил вперед.

Его цингун великолепен. Налево, направо, затем поворот в горный лес. На короткое время затерявшись там, он замедлил шаг и нахмурился, по-видимому пытаясь определить направление слежения. Через мгновение он понял, что человек, которого он преследовал, был впереди, и вынул из-за пазухи багровую пилюлю.

— Брат, пожалуйста, остановись.

В лесу по дороге, склонив голову, шел человек. Услышав позади крик, он настороженно развернулся.

— В чем дело? — увидев Бай Шаоцина, которого он встретил в отделении алтаря, настороженное выражение ушло с его лица.

Бай Шаоцин окинул его взглядом. На спине мужчины висел длинный сверток. Это явно был изумрудный меч, упакованный так, чтобы не привлекать внимания.

— У меня есть распоряжение от заместителя Шана, — неторопливо выдвинулся вперед Бай Шаоцин, раскрывая ладонь с багровой пилюлей. — Брат несет ценную вещь, на этом пути много опасностей. Эту вещицу заместитель Шан передал для защиты...

На белой теплой ладони багровая пилюля выглядела действительно красиво.

Мужчина опустил голову, чтобы посмотреть, и его нос внезапно учуял тонкий аромат. На его лице показалось удивление и он мягко повалился на землю.

Бай Шаоцин холодно понаблюдал за тем, как он падает, и захихикал:

— Не стоит нюхать посторонние вещи. Неужели заместитель Шан не научил тебя?

Когда его детский трюк удался, на его лице показалась озорная улыбка. Быстро приблизившись, он присел на корточки и посмотрел на сверток за спиной мужчины. Но когда он его развернул, там оказался обычный длинный меч. В его сердце зародилось дурное предчувствие. Лицо Бай Шаоцина изменилось. Резко подпрыгнув, он стремительно отступил, но было уже поздно. Позади поднялся ветер, его поясница онемела, а колени обмякли.

Бай Шаоцин рухнул в лесу. Его большие сияющие глаза все еще были широко раскрыты.

Ухмыляющееся лицо Шан Лэнхуна появилось над его головой.

— Это и называется богомол впереди, чиж позади, — сказал Шан Лэнхун. — Ты не хотел расставаться с изумрудным мечом, блуждая три дня, прежде чем его принести. Как я мог не насторожиться?

— Как заместитель Шан мог послать такого посредственного человека с изумрудным мечом? Значит это был умышленный план.

— Посредственный? Но это один из десяти лучших моих подчиненных. Ты наложил поистине коварную отраву на меч. Как она называется?

Бай Шаоцин не испугался, его безжизненные глаза взглянули на него:

— Эта отравка была изготовлена Инь Жошуй из школы Наньшань. Кто знает как она называется? Я прошел весь путь, боясь, что кто-то украдет у меня меч, поэтому немного натер его ядом. Если он потеряется, его легко выследить, а вор получит небольшое количество отравы, так что меня не за что осуждать.

— Уловки бесполезны, ты сам будешь объясняться перед наставником.

Снова поднялся ветер. Шан Лэнхун надавил на акупунктурную точку Бай Шаоцина и его глаза закрылись. Грудь онемела, было такое ощущение, будто акупунктурные точки рассыпаются.

Бай Шаоцин медленно открыл глаза.

С чем он столкнется? Бай Шаоцин сохранял хладнокровие, хотя в культе Справедливости не было добрых мужчин и благочестивых женщин, и тем более Шан Лэнхун сказал ему, что он будет передан лидеру.

Почему он заранее натер изумрудный меч ядом? Почему тайно отнял меч? Несмотря на его гладкий язык, четырьмя словами не обойдешься.

Прелестные тонкие губы поджались, когда он вспомнил, что немногие люди, вызвавшие неудовольствие культа Справедливости, умерли счастливо. Кажется у них есть специальная камера пыток. По слухам, хозяин зала Хэ Ян жесток и обожает мучить людей.

— Проснулся?

Ласковый голос вонзился в уши и Бай Шаоцин внезапно вздрогнул. Его ресницы затрепетали, и вмиг, охваченный чувством удивления и радости, он воскликнул:

— Старший брат?

Едва он попытался протянуть руку и схватить Фэн Луна, как вдруг почувствовал что-то странное, и его взгляд тут же опустился.

На поясе Фэн Луна спокойно висел меч Билу.

Как только его взгляд коснулся этого насыщенного теплого зеленого цвета, Бай Шаоцин, потерпевший поражение, тут же застыл. Его всегда сверкающие, пронизательные и мудрые глаза плотно закрылись, как будто ему было невыносимо видеть, как перед ним происходит самая жестокая вещь на свете. Однако этот навязчивый зеленый цвет уже скользнул в него, как яд, обжигая глаза, проникая в вены, и постепенно разъедая сердце.

Прекрасное лицо дернулось и скривилось.

Длинные пальцы крепко сжались, вонзившись в ладони, и свежая кровь капля за каплей потекла по ним.

Фэн Лун встал перед кроватью.

— Ты удивлен? — его интонации были спокойны. За исключением решимости и величия, которых Бай Шаоцин никогда раньше от него не слышал, он был таким же сердечным, как и раньше.

Бай Шаоцин не ответил.

У него не было сил отвечать. С того момента, как он увидел меч Билу, ему показалось, что он пронзил его грудь, и последние капли силы улетучились.

Все его тело бессознательно задрожало, будто он был путником, заблудившимся в снегу, и только непрерывная дрожь помогала выжать из остывающего тела немного тепла. Но как только дрожь прекратится, его жизнь оборвется.

— Я был удивлен, узнав, что старейшина семьи Фэн в прошлом был основателем культа Справедливости, — медленно произнес Фэн Лун. — Но вскоре я обнаружил, что можно одновременно быть главой союза Улинь и наставником культа Справедливости, это даже занимательно.

Он наклонил голову и спокойно посмотрел на Бай Шаоцина.

— Шаоцин, почему ты хотел отобрать меч Билу у Шан Лэнхуна? — внезапно тихо вздохнул он.

Словно прикоснувшись к раскаленному железу, Бай Шаоцин резко поднял голову. Угольно-черные глаза гневно распахнулись, будто он собирался заживо разорвать себе глазницы.

Увидев сердитый взгляд Бай Шаоцина, Фэн Лун улыбнулся:

— Я понимаю.

Что ты понимаешь? Что ты понимаешь? Бай Шаоцин неистово завопил про себя: "Прекращай быть таким ласковым! Почему я отобрал меч? Даже если на это есть тысяча причин, ни одна из них не для тебя!"

Он крепко уцепился за простыню по бокам и мрачно уставился на Фэн Луна.

Гневные волны бушевали в его глазах, потом он медленно опустил голову.

— Великий глава Фэн, вы безжалостны, — на первой произнесенной им фразе, его чистый голос стал хриплым.

— Шаоцин, ты должен называть меня страшим братом, — улыбнулся Фэн Лун. — Если ты не согласен признавать меня старшим братом, тогда должен называть учителем. Неужели... ты отказываешься от техники пересечения неба?

Бай Шаоцин стиснул зубы, закрыл глаза и пару раз глубоко вздохнул.

Когда он снова открыл глаза, его лицо было спокойным.

— Учитель давно знал, что я Бянь Фу.

— Конечно.

— Учитель заранее знал, что схема механизма находится у меня?

— Цингун семьи Цан с горы Сишань не имеет себе равных в Улинь, а необычное поведение Бянь Фу, когда он использовал цингун, очень похоже на технику семьи Цан, — небрежно произнес Фэн Лун. — Если Бянь Фу способен добыть секретные записи по боевым техникам с горы Сишань, значит у него в руках должна быть и схема механизма. Я слишком занят своими делам, к чему мне специально ехать в семью Бай ради ничтожной Летучей Мыши?

Безжизненное лицо Бай Шаоцина оставалось бледным, но в данную минуту уже не было таким застывшим.

Он неожиданно рассмеялся:

— Если учителю нужна была схема, к чему тратить столько усилий? Можно было просто спросить, может ли ученик принести ее?

— А что, если бы ты ее не отдал? — Фэн Лун наклонил голову, пристально глядя на Бай Шаоцина, и тихо сказал: — Если кто-то вроде тебя заупрямится, ты можешь сделать все, что угодно. Кроме того... мне правда нравилось, как ты называл меня старшим братом.

— Премного благодарен за благосклонность, учитель, — без запинки поблагодарил Бай Шаоцин и поднялся с кровати. — Церемония принятия ученика еще не завершена...

Чувствуя себя так же свободно как дома, он подошел к окну, взял небольшую чашку, и наполовину наполнил ее горячим чаем.

Без малейшей нерешительности он подошел к Фэн Луну и спокойно опустился на колени, подняв чашку с чаем над головой.

— Эта чашка чая в честь признания мастера. Пожалуйста, учитель, выпейте.

Фэн Лун снисходительно усмехнулся, не произнося ни слова.

— Почему учитель не пьет? Неужели учитель передумал, и не хочет принимать Шаоцина? — Бай Шаоцин поднял на него пустой взгляд. — Или учителя беспокоит яд в чашке?

Фэн Лун слегка приподнял брови и протянул руку.

В тот миг, когда кончики пальцев коснулись чашки, его запястье повернулось, тайно используя силу. Бай Шаоцин двинулся, сильно подпрыгнул, и с его ладони полился яркий свет. Нож, неизвестно когда появившийся в его руке, пронзил Фэн Луна.

Фэн Лун стремительно отступил, защитная техника распространилась по всему телу, за пределы ладони.

— Угх! — с приглушенным стоном Бай Шаоцин полетел на кровать. Мастерски извернувшись, он перевернулся и сел, злобно уставившись на Фэн Луна. На его губах появился кровавый след.

Фэн Лун беззаботно поигрывал ножом странной формы.

— Нож семьи Ху из Шаньдун? Этот нож специально предназначен для защиты и представляет опасность для тех, кто обладает глубокой внутренней силой. Семья Ху всегда считала его сокровищем и тщательно хранила, но ты все равно его раздобыл.

Бай Шаоцин холодно произнес:

— К сожалению, для вас он не представляет опасности.

— Трудно сказать, когда твоя внутренняя сила и совершенствование намного больше, — Фэн Лун сделал несколько шагов вперед и остановился у кровати. — Шаоцин, ты всегда все тщательно обдумываешь, прежде чем что-то сделать. Почему сейчас тебя не заботят последствия?

Он вздохнул.

Его дыхание ударило в шесть главных жизненных точек на груди Бай Шаоцина.

Бай Шаоцин повалился навзничь на кровать, но его глаза были все еще широко открыты. Негодования и печали на его лице Фэн Лун еще никогда не видел. Помнится, когда культ Справедливости истребил всех семьдесят двух членов семьи легендарного Чжан Жулия, который перед смертью обнаружил, что глава союза Улинь, спаситель, которого он так ждал, и лидер культа Справедливости один и тот же человек, его возмущенное и удивленное выражение лица было не таким хорошим, как у Бай Шаоцина в данный момент.

Длинные пальцы подняли слегка тонкий подбородок Бай Шаоцина. Легкая дрожь передалась от нежной гладкой кожи к кончикам пальцев.

— Твое недовольство и сопротивление выглядят так, будто к тебе впервые прикасаются. Но я знаю, что это не первый раз, — он прищурился и спросил: — Все-таки, сколько людей дотрагивались до тебя?

Бай Шаоцин задал встречный вопрос:

— Вы знаете, сколько боевых техник я знаю?

— Тридцать четыре.

— Значит, — Бай Шаоцин равнодушно улыбнулся. — Более тридцати четырех человек.

Лицо Фэн Луна на мгновение напряглось, затем уголки губ снова медленно приподнялись.

— Тридцать четыре... — Фэн Лун сел у постели и, опустив голову, испытующе взглянул на него. — Значит их уже тридцать четыре. По-видимому они все попробовали тебя на вкус, и все отправились в подземный мир.

— Более тридцати четырех человек попробовали меня и убито тоже более тридцати четырех, — глаза Бай Шаоцина были мрачными. — Нескольких я пока отпустил, но в будущем они тоже умрут, — с пугающим выражением лица он уставился на Фэн Луна. — Если тронешь меня, кончишь так же, как и они.

— Ты убьешь меня?

— Рано или поздно.

Фэн Лун натянуто улыбнулся. Его мощная рука нежно погладила Бай Шаоцина по лицу.

— Как у человека, похожего на небожителя, может быть такое грязное тело? — нежно шепнул

Фэн Лун, обдувая горячим дыханием ухо Бай Шаоцина. — Я сделаю тебя таким же чистым, каким ты был, когда родился.

Дело принимало дурной оборот. Сверкающие глаза Бай Шаоцина повернулись взглянуть на красивое лицо Фэн Луна.

Фэн Лун поднялся на ноги и, взмахнув рукой, вновь коснулся его жизненных точек.

Замедленное кровообращение, только что втихомолку разблокированное, во мгновение ока снова запечаталось. Бай Шаоцин не удержался и свирепо взглянул на Фэн Луна.

— Оставайся в постели, — сказал Фэн Лун. — Это навык запечатывания акупунктурных точек семьи Фэн. Если попытаешься разблокировать — пожалеешь.

Глядя на его исчезающую спину, как мог Бай Шаоцин послушаться его? Он немедленно решил испытать удачу. Тепло потекло к запечатанным акупунктурным точкам на груди. Он дважды провел его по малому кругу обращения ци, но взломать акупунктурные точки не получилось. Вместо этого возникло легкое ощущение паралича, которое превратилось в ноющий зуд на сердце.

Мало-помалу по всему телу возникло невыносимое ощущение, будто его кусали муравьи.

На лбу Бай Шаоцина тихо выступили капли пота.

— Я ожидал, что ты силой попытаешься пробить акупунктурные точки, — упрямый подбородок слегка приподнялся. Неизвестно когда вернулся Фэн Лун. — Ты полагал, что со своей жалкой внутренней силой можешь снять мою блокировку?

В его взгляде мелькнула насмешка.

Черные глаза Бай Шаоцина холодно смотрели в сторону.

Люди под карнизом* не вступают в бессмысленные споры.

*П\п: Когда люди уступают другим в силе и возможностях, они вынуждены склонить голову.

— Шаоцин, ты когда-нибудь слышал о настойке Хуажун Юэмао*? — Фэн Лун держал в руках тщательно вырезанную бутылку из агата. С первого взгляда было понятно, что его содержимое чрезвычайно ценное.

*П\п: Внешность, подобная цветам и луне.

Бай Шаоцин вдруг вздрогнул:

— Настойка Хуажун Юэмао из Мяоцзяна?

— Настойка Хуажун Юэмао из Мяоцзяна — это божественное лекарство, более того, прелестные женщины рассматривают его в качестве природы и судьбы. Если по чистой случайности лицо пострадает, нужно лишь нанести настойку, и поверхность кожи будет медленно разрушаться, после чего сформируется новая кожа, нежная и гладкая, как у новорожденного младенца, — равнодушно произнес Фэн Лун. — Конечно же, когда настойка будет разъедать старые шрамы на коже, это будет несколько некомфортно. Но если хочется быть красивой, придется немного пострадать.

На самом же деле, после применения настойки Хуажун Юэмао, стоит ожидать большего, чем просто "небольшие страдания"?

Холодок пробежал по позвоночнику.

— Вы... — Бай Шаоцин поджал губы и настороженно спросил: — Что вы собираетесь делать?

— Оказывается... ты не очень храбрый, — Фэн Лун протянул руку и перевернул Бай Шаоцина, у которого совершенно не было сил сопротивляться. С треском разорвался подол черной одежды. Затем он раздвинул его белые бедра, обнажая розовую дырочку хризантемы.

На лице Бай Шаоцина появилось униженное выражение. Он оказался под его контролем, без возможности сопротивляться, и мог только молча скрежетать зубами.

Хотя он соблазнял людей, но никогда никому не давал опорочить свое тело по-настоящему, и никак не ожидал, что его поспешные слова так стимулируют Фэн Луна, и вызовут такие ужасные последствия.

Просто у него непреклонный характер, и в таких обстоятельствах нет смысла оправдываться. Решительно вскинув голову, он закрыл глаза, покорившись судьбе.

— Какой красивый цвет, — Фэн Лун погладил его нежные гладкие ножки. — Как жаль, что с ними играли так много людей. Шаоцин, почему ты не бережешь себя?

В следующий миг раздался звук вынимаемой пробки. Ледяное горлышко бутылки медленно и непреклонно проникло в тело Бай Шаоцина.

Настойка Хуажун Юэмао полилась в узкий и длинный канал. Соприкоснувшись с кожей, она растворила кровь и жидкость, чтобы полностью расплавить слой кожи.

— У-у-у... — его зубы резко сжались и с губ закапала алая кровь. Острая боль от разъедающего его препарата, распространилась как смерч из наиболее чувствительного места. Если бы не запечатанные акупунктурные точки, вероятно, Бай Шаоцин катался бы по кровати от боли.

— Не кусай себя, — Фэн Лун не отрываясь смотрел на него, плотно прижимая ладонями его плечи. Кончик пальца нажал на жизненную точку на затылке Бай Шаоцина.

Сомкнутые челюсти бессильно разжались, и теперь он был лишен даже права стиснуть зубы.

В глазах Бай Шаоцина вспыхнула неприкрытая ненависть.

Фэн Лун улыбнулся:

— Даже если я скажу, что это тебе на пользу, ты точно не поверишь, — с неизменной улыбкой он слегка приподнял его ягодицы, чтобы жидкость, разъедающая плоть, проникла глубже.

Тело под его ладонями сильно задрожало, но черные зрачки все еще излучали непокорный свет.

— Шаоцин, с сего дня ты будешь таким же чистым, как новорожденный младенец, — опираясь руками по обе стороны от его головы, Фэн Лун сверху вниз посмотрел на него и медленно приблизился. В его глазах сиял божественный свет. — С сегодняшнего дня ты принадлежишь только мне. С ног до головы, до последнего волоса, весь принадлежишь мне.

Горячие губы накрыли его, отбирая последние крохи воздуха, сметая начавший затуманиваться рассудок.

— Хотя настойка Хуажун Юэмао драгоценна, я не жадный. Поскольку ты осмелился хвалиться, что тридцать четыре человека касались тебя, я использую ее, чтобы омыть тебя тридцать четыре раза.

Во мраке голос Фэн Луна доносился словно с порога преисподней.

Каждое слово и каждая фраза внушали ужас.

<http://bllate.org/book/15169/1340540>